

© 2018 г.

А.П. ЧЕРНЫХ

НАКАЗАНИЕ И ПОРУГАНИЕ ГЕРБА В НОВОЕ ВРЕМЯ

Черных Александр Петрович – кандидат исторических наук, заведующий Центром гербоведческих и генеалогических исследований Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

В Новое время в отношении к диффамации герба первоначально полностью и почти без изменений сохранились унаследованные от Средневековья традиции и обычаи, символические формы обращения с гербом, его переворачивание и раскалывание¹, но они перестали быть основными, а затем появились и инновации.

Среди социальных перемен Нового времени следует отметить формирование новой концепции знати и новой концепции герба, который стал рассматриваться как памятник подвигов славных предков и атрибут благородного статуса. На протяжении всего Средневековья существованию «наказанных» гербов активно противостоял обычай свободной смены герба. С XVI в. положение начало меняться, для перемены герба юристы всё настойчивее стали требовать апробации суверена². За хронологическими пределами Средневековья, с началом Нового времени традиции обращения с гербом не изменились принципиально, но постепенно наказание герба стало относиться к антигосударственным преступлениям, оцениваемым в средневековых терминах как «измена – предательство» и формулируемым как преступления «против величества» (*lèse-majesté*).

Одновременно существовало и уничтожение гербов как составная часть наказания. При Франциске I по постановлению парижского парламента 12 июля 1527 г. был осужден коннетабль Шарль де Бурбон за преступление «против величества, мятеж и измену» (*lèse-majesté rébellion et fellonnie*) «с уничтожением его гербов во всех местах, где они были помещены»³. Реализация этой санкции широко документирована⁴. Очевидно, что и сами носители гербов рассматривали их обесценивание как явно нежелательную вещь, стоящую наравне с понятием чести или очень близко к нему.

Отдельного разговора заслуживает наказание «в изображении». Практика переворачивания гербов (*subversio armorum*) еще в XV в. соединилась с практикой *executio in effigie*⁵ и общее наказание «в изображении» стало нередко сопровождаться геральдической диффамацией.

В 1569 г. как заговорщица против Карла IX была осуждена Рене де Риё де Лаваль, маркиза Нельская (1524–1567). Парижский парламент помимо конфискации имущества, чтобы унижить уже два года как покойную Рене де Риё де Лаваль, постановил привязать ее перевернутые гербы к хвосту лошади и проволочить их по улицам Лавалья⁶.

¹ См. подробнее: *Черных А.П.* Наказание и поругание герба в Средние века. – Средние века, вып. 78 (1–2). М., 2017, с. 8–30.

² *Matieu R.* Le système héraldique français. Paris, 1946, p. 194.

³ *Hablot L.* La captation royale de l'expression emblématique à la fin du Moyen Age. – Actes du colloque «Le roi Fontaine de Justice». Orléans, 2012, p. 236.

⁴ Paris, BNF, Dupuy, 38, fol. 213; *Mathieu R.* Op. cit., p. 157 sq.

⁵ *Hablot L.* «Sens dessus dessous», Le Blason de la trahison au Moyen Age. – Actes du colloque «La trahison au Moyen Age. De la monstruosité au crime politique (V^e–XVe siècle)». Rennes, 2009, p. 342.

⁶ *Hablot L.* La captation royale..., p. 237; *Matieu R.* Op. cit., p. 156.

Хорошо подтвержден источниками пример геральдической диффамации и наказания «в изображении» адмирала Гаспара де Колиньи⁷, осужденного вместе с братом Франсуа, сеньором д'Андело. Адмирала вторично осудили за преступление «против величества» по приговору парижского парламента от 27 октября 1572 г., но это уже был процесс над трупом, потому что де Колиньи убили 24 августа. Тем не менее тело адмирала, буде оно отыщется, было приговорено к волочению от Консьержери до Гревской площади и потом повешению на Монфоконе. Щиты с гербами Гаспара де Колиньи надлежало проташить привязанными к хвосту лошади по улицам Парижа и других городов (т.е. это уже публичная церемония в общегосударственном масштабе. — А.Ч.), где эти гербы будут обнаружены, затем разбиты палачом на каждом перекрестке, где обычно совершаются публичные объявления. Все гербы и портреты упомянутого де Колиньи должны быть «разбиты, стерты, сломаны и разорваны»⁸. Лишение гербов и благородства распространялось и на потомков адмирала, но впоследствии, в 1599 г., память адмирала была реабилитирована по просьбе его дочери принцессы Оранской письмами Генриха IV⁹.

Появившиеся в конце XIV — начале XV вв. диффамирующие послания (*Scheltbrief*, *lettre de diffamation*) продолжали бытовать и в Новое время.

В чем была социальная функция этих писем? Почему они оставались в использовании на протяжении двух столетий? Это явная апелляция к общественному мнению. В Германии эти письма вызывали враждебность государства с самого начала, так как они ставили под угрозу его правовую монополию. Оно пыталось ограничить или пресечь эту практику с XV в. М. Ленц утверждает, что это удалось только после 1577 г., после запрета рассылки писем диффамации по всей империи. Последние примеры датируются началом XVII в. По мнению же К. Стюарт, неэффективное имперское законодательство было бы не в состоянии положить конец письмам диффамации законодательным декретом, если бы не было других факторов¹⁰.

Почему эти письма изжили себя? Вряд ли речь может идти об изменении правовой практики. Скорее изменилась картина визуального восприятия социальных отношений и стал угасать визуальный способ реагирования на социальные коллизии и воздействия на них.

Король еще не имел монополии на контроль над сословной геральдической идентификацией, но примеры обесчещивания герба свидетельствуют о возраставшей власти государя в этой области. Он начал всё больше контролировать сначала гербы своих вассалов, потом подданных. Наказания в виде *subversiones armorum* часто являются решением государя, позднее просто издаваемые от его имени трибуналом маршалов или его местных эманациями; вопрос диффамации может рассмотреть парламент. Наказываются исключительно благородные¹¹.

Показателен интерес нобилитетных трактатов Нового времени к теме наказания в сочетании с наказанием герба. Многие из того, что кочует по страницам популярной литературы, происходит именно из этих трактатов, однако вопрос доверия к ним остается открытым. Если средневековые свидетельства эмблематических санкций сравнительно немногочисленны, то, напротив, трактаты Нового времени переполнены упоминаниями наказаний за неблагородное поведение благородных, как правило,

⁷ *Hablot L.* La captation royale..., p. 237. О Гаспаре Колиньи см. *Mathieu R.* Op. cit., p. 156.

⁸ *Goulart S.* Mémoires de l'estat de France sous Charles Neufiesme. 2 ed. T.I. Meidelbourg, 1578. Fol. 406–407.

⁹ *Mathieu R.* Op. cit., p. 235.

¹⁰ *Stuart K.* Infamous Images and Defamation Letters in Late Medieval and Early Modern Germany [Rec.] *Lentz M.* Konflikt, Ehre, Ordnung: Untersuchungen zu den Schmähbriefen und Schandbildern des späten Mittelalters und der frühen Neuzeit (ca. 1350 bis 1600). Mit einem illustrierten Katalog der Überlieferung. H-German, 2007. — <https://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=12890>.

¹¹ *Hablot L.* «Sens dessus dessous», p. 346.

предательство или насилие, клятвопреступление и вероломство¹². О наказании герба в контексте наказания рыцаря говорит А. Фавэн¹³, он детально описывает церемонию деградации. Осужденный должен лишиться герба и в виде гербовой котты, и в виде щита. В ходе церемонии, осуществляемой герольдами, на эшафоте рыцаря освобождают последовательно от всех деталей его доспеха, щит с гербами осужденного подвешивается на столб в перевернутом виде, а затем герольдом он разбивается на три куса и тем самым его гербы уничтожаются. Потом младший герольд выливает на голову рыцаря воду, затем осужденный сбрасывается под эшафот, и в носилках, будучи покрыт черной тканью, переносится до церкви, где проводится заупокойная служба. Затем он передается в руки светской исполнительной власти, казнится или изгоняется¹⁴. Церемония явно визуализирует социальную смерть, для чего и совершается действие, очень сильно напоминающее общую физическую смерть, о которой говорили в начале. Но направлена была эта публичная церемония символического разоружения рыцаря в строго обратном возведению порядке. Священники пели 109-й псалом¹⁵ и читали заупокойные молитвы, изображая аллегорическое погребение. Таким образом исторжение человека из социума обозначалось посредством диффамации имени и гербов.

У меня создалось впечатление, что все попытки представить некую «систему» наказаний, ретроспективно применяемую к Средневековью¹⁶, происходят из текста М. Вьюльсона де Ла Коломбьера, где преступления и «наказующие» за оные геральдические фигуры просто перечислены одно за другим. Суть их в том, что герб видоизменяется полностью или частично: «От щита гербовые короли и герольды отсекают некоторую часть или же добавляют знаки и отметины бесчестия (*marques et taches d'infamie*): например, тому, кто убил военнопленного — отрезают и округляют его щит снизу; тому, кто был уличен во лжи или ложных донесениях своему государю — покрывают нижнюю часть щита красным цветом, стирая фигуры, которые там были размещены до того..., подверженному прелюбодеяниям и пьянству — добавляют два черных гвоздя (*gousset*) по бокам щита...» и далее в том же духе¹⁷.

Для мира раннего Нового времени еще вполне естественны символические формы наказания. В мире, где дом мятежника или стены непокорного города могли быть показательно разрушены, земля под ними распахана и посыпана солью, все деревья в имении срезаны до уровня роста человека, нет ничего удивительного в переворачивании или раскалывании гербов. Переворачивание (*subversio armorum*) — это общий и, судя по всему, общепонятный подход к визуализации бесчестия, когда рядом с перевернутым гербом подвешивался вверх ногами его обладатель. Повешение — это конечно визуализация символа предательства, по преданию повесившегося Иуды¹⁸. Применение его по отношению к гербам говорит не просто о связи, а об известном социальном равенстве понятий «человек» и «герб». *Subversio armorum* не геральдическое наказание, оно не оставалось исключительно в сфере геральдики, а применялось как одна из форм социального наказания человека. Известно связанное с неуплатой долга диффамирующее послание и диффамирующее изображение гарантов долга графов Шаумбург 1541–1542 гг. Они изображены на виселице, и если сами они висят, если так можно выразиться, нормально, то их гербы перевернуты и размещены на земле. Висящие перечислены¹⁹.

¹² *Ibid.*, p. 336.

¹³ *Favyn A.* Le théâtre d'honneur et de Chevalerie. Paris, 1620, t. II, p. 1830–1833.

¹⁴ *Matieu R.* *Op. cit.*, p. 233.

¹⁵ *Palliot P.* La vraye et parfaite science des armoiries. Dijon, 1660, p. 379–380.

¹⁶ *Слеўтеп С.* Геральдика. Иллюстрированная энциклопедия. М., 2005, с. 105.

¹⁷ *Vulson de La Colombière M. de.* La science héroïque, traitant de la noblesse, de l'origine des armes, de leurs blasons et symbols... Paris, 1644, p. 68–71.

¹⁸ *Hablott L.* «Sens dessus dessous», p. 336, 344.

¹⁹ Schandbrief der Grafen von Schaumburg, Staatsarchiv Wolfenbüttel. 1541–1542.

Визуализация предательства через образ повесившегося Иуды шла наряду с акцентуацией самого предательства Иудой Христа. Жан де Шалон был торжественно объявлен «государем тридцати серебряников» (*prince aux trente deniers*)²⁰ и приговор уточняет: «Потому что он объявлен, расцениваем и считаем навеки фальшивым, предательским, бесславным, бесчестным, подлым рыцарем, осужденным быть подвешенным за ноги»²¹. Рядом с его изображением были повешены его перевернутые гербы²². К сожалению, источники не всегда упоминают о выставленных рядом с осужденным гербах.

С проблемой наказания и поругания гербов связан ряд терминологических тонкостей. Что касается специального термина для обозначения поругания, то традиционно это «обеславленный» (фр. *difamé*), характеристика геральдической фигуры, например, льва без хвоста²³. Но главное — не термины блазона, а обращение с гербом. Конечно, на наш современный взгляд гербом наказывать человека нельзя, сколь герб ни наказывай, но, учитывая более чем тесную связь «человек — герб», можно воздействовать на его общественный образ. Диффамацию герба (*difamation du blason*) не следует смешивать с лишением благородного качества (*dérogation*). У ротюрье за преступления «против величества» и дезертирство наказывался только герб, у благородных наряду с наказанием или полной ликвидацией герба могло иметь место лишение благородного статуса (*dégradation de la noblesse*). Обвиненному в преступлении «против величества» наряду с прочим гербы публично разбивались и исторгались из всех мест, где они были помещены²⁴. Королевская сентенция в осуждение второго герцога д'Эльбёф (Шарля де Гиз) и маркиза Шарля де Ла Вьёвиль повелевала, чтобы изображения их гербов в церкви Августинцев в Париже были сняты, и на их места помещены черные доски (*tableaux noirs*) с текстом сентенции²⁵. Парадоксально, но если это проводилось в жизнь, то это значит, что гербы и видеть никто не мог наказанными, диффамированными — их просто не было. Значит, смысл уже не в демонстративном, геральдически зримом наказании, а в уничтожении герба преступника.

К преступлениям «против величества» относятся покушения и заговоры против личности короля и королевской власти, восстания и прочие подобные акты, направленные против суверена, сношение с иностранными державами, сдача в результате предательства или трусости города или королевской крепости²⁶. Кроме того это преступления второго порядка — узурпация привилегий короля, создание отрядов без королевского разрешения, подделывание королевских печатей, чеканка без разрешения или подделка королевской монеты. Преступления «против величества» влекли за собой денационализацию осужденного; геральдические наказания относились только к преступлениям «против величества» первого порядка²⁷.

Одновременно следует заметить, что все преступные действия по отношению к гербам суверена, в частности, разбивание или сбрасывание его, приравнивались к преступлениям «против величества» и влекли за собой соответствующие наказания²⁸. Отдельный разряд оскорблений герба — оскорбления герольда в должностной

²⁰ Lettre au Parlement de Paris donnée à Cambrai le 6 juin 1477. Цит. по: *Rossignol M. Histoire de la Bourgogne pendant la période monarchique*. Dijon, 1476–1483. Dijon, 1853, p. 80.

²¹ *Cassagnes B. Catalogus gloriae mundi*. Lyons, 1529, p. 393.

²² *Hablot L. «Sens dessus dessous»*, p. 345.

²³ *Pastoureaux M. Traité d'héraldique* Paris, 1993, p. 362.

²⁴ *Matieu R.* Op. cit., p. 232.

²⁵ *Chabanne R. Le régime juridique des armoiries*. Thèse présentée à la faculté de Droit de l'Université de Lyon. Lyon, 1954, p. 182.

²⁶ *Ordonnances des rois de France*. T. XVIII, p. 315; *Théveneau*. Commentaire sur les ordonnances... tant en matière bénéficiaire, que civile et criminelle. Livre IV. Tit. V, p. 861–876.

²⁷ *Matieu R.* Op. cit., p. 232.

²⁸ *Ibid.*, p. 51.

одежде, которая представляла собой прежде всего герб²⁹. Но, собственно, метонимия в данном случае вполне соотносима с метонимией «герб — король», когда оскорбление королевского герба рассматривается как оскорбление короля.

Практика войны, несомненно, оказывала свое влияние на сословную геральдическую идентификацию. В 1507 г. сеньоры де Росни и де Тибивиллер, дворяне дома короля (*gentilshommes de l'hôtel du roi*) были обвинены в том, что во время военных действий «покинули назначенные им место и знамя» и были лишены статуса благородных, а де Росни к тому же и гербов³⁰.

«Гербы осужденных за преступление “против величества” переворачивались вплоть до середины XVI в. В XVII в. они только разбивались, после того как были несколько стерты или вымазаны черным, то есть буквально *очернены*»³¹. Капитан Франсуа де Франже, комендант Фуэнтеррабии в Гипускоа, был в 1524 г. обвинен в том, что трусливо сдал крепость испанцам, после того как (в этом выразилось негодование короля Франциска I) «г-н де Люд в течение долгого времени ее хранил и защищал»³². Решение трибунала коннетабля и маршалов Франции осудило его на лишение гербов и благородства; приговор привели в исполнение в Лионе на площади, где гербовый щит де Франже был вывешен на эшафоте перевернутым, а затем разбит герольдами. Принимая во внимание возраст, Франже сохранили жизнь, но он стал неблагородным ротюрье, лишенным права лично и в потомстве носить гербы³³.

Коннетабль герцог Шарль де Бурбон был заочно осужден как совершивший преступление «против величества, мятежник и изменник» парижским парламентом 27 июля 1527 г. на заседании палаты пэров под председательством короля. В приговоре было сказано, чтобы «гербы и знаки (*enseignes*), принадлежащие непосредственно лично названному Бурбону и укрепленные в публичных местах в его честь, в этом королевстве, землях и сеньориях, были уничтожены и стерты»³⁴.

16 ноября 1562 г. 27 крупных военачальников протестантской армии, обвиненных в преступлении «против величества» первого порядка (в числе которых и уже упомянутые братья де Колиньи) были приговорены к смертной казни, их гербы и знамена везде должны были быть сорваны и стерты. Дезертиры и офицеры, обвиненные в том, что сдали врагу крепости без боя, часто осуждались как виновные в преступлении «против величества». Эдикт в Сен-Жермен-ан-Ле от июля 1534 г. в статьях 31, 37, 53 и 54 перечислял, что в него входят имеющие корреспонденцию с врагом, перебежчики³⁵.

XVII век отмечен нарастающим уже обозначившихся тенденций. Парламент Тулузы 29 января 1628 г. объявил герцога Роана виновным в преступлении «против величества» за мятеж. Приговор требовал, чтобы он вместе с его гербами был подвергнут поношению на улицах и перекрестках Тулузы, четвертован на эшафоте, а его гербы сожжены и обращены в пепел в костре, который для этой цели будет зажжен и упомянутый пепел развеян по ветру. Наказание было осуществлено «в изображении»³⁶.

²⁹ *Privilegio dado aos Reis d'Armas, Arautos e Passavantes. — Matos A de. Manual de heraldica portuguesa. Apêndice. Porto, 1942, p. 212.*

³⁰ *abandonné le lieu et enseigne a eux ordonné pour la seurté du duché de Milan. — Paris, BNF, ms. fr. 18429, fol. 15r. Цит по: Hablot L. La captation royale..., p. 236.*

³¹ *Le Laboureur Cl. Histoire généalogique de la maison de Sainte Colombe, p. 294–295.*

³² *Brantôme Seigneur de. Oeuvres, t. VII, pt. 2. La Haie, 1740. Discours 69. D'Aussun, p. 267.*

³³ *Du Bellay Martin et Guillaume. Mémoires, t. I. Paris, 1908, p. 285; Dolly Ch. Des capitulations déshonorantes. — Le Spectateur militaire, Recueil de science, d'art et d'histoire militaires, v. XXXIII. Paris, 1842, p. 646–647.*

³⁴ *Мосина З. Карл V и коннетабль Бурбон. — Вопросы истории, 1948, № 2, с. 117; Dolly Ch. Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution de 1789, t. XII. Paris, 1828, № 146, p. 281–282.*

³⁵ *Matieu R. Op. cit., p. 234, 235.*

³⁶ *Richelieu A.J. du Plessis. Mémoires du cardinal de Richelieu, t. VIII. Année 1628. Paris, 1927, p. 28–29.*

Абраама Ру и его сыновей Пьера и Жана де Жерар, именуемых Гранжер, обвиненных в преступлении «против величества» за сдачу испанцам крепости Гави, парламент Прованса 12 ноября 1625 г. приговорил к смертной казни и деградации, их гербы должен был разбить палач³⁷.

С вступлением Франции в Тридцатилетнюю войну меры против дезертиров и обвинявшихся в трусости офицеров стали всё более и более суровыми. 19 марта 1635 г. крепость Сирк в Лотарингии была сдана без боя испанцам ее комендантом капитаном пикардийского полка Франсуа де Шапель. По требованию короля он был осужден по приговору от 9 мая 1635 г. «на лишение гербов и затем отсечение головы перед войсками на эшафоте, который для этой цели будет возведен перед цитаделью этого города (Мезьера. — А.Ч.) около места, где проходят войска»³⁸.

Королевская декларация против дезертиров от 8 августа 1635 г. предусматривала для солдат смертную казнь; благородным офицерам, которые покинут войска без разрешения генеральных лейтенантов короля с подписью и печатью — лишение гербов и благородства; ротюрье, обвиненные в том же дезертирстве, лишались гербов и приговаривались к галерам³⁹. Людовик XIII делал вполне определенное различие между лишением гербов и лишением благородного статуса (факт, что ротюрье могли быть лишены своих гербов — дополнительное свидетельство того, что обычно они имели право их носить). Новая декларация от 18 декабря 1635 г. подтвердила предыдущую⁴⁰. Предусмотренные наказания применялись очень строго — Ришелье стремился поддерживать дисциплину в армии. Постановлением (*arrêt*) от 15 октября 1635 г. Совет приговорил к лишению гербов и благородного статуса четверых благородных, обвиненных в оставлении армии⁴¹.

Сеньоры Дю Бек и де Сен-Леже в 1636 г. были обвинены в преступлении «против величества» за передачу в руки врага укрепленных пунктов Ла Капель и Кастеле «по трусости и вероломству». Совет, находившийся по случаю войны в Париже, от 14 августа 1636 г. приговорил их к четвертованию на Гревской площади и к лишению их самих и их потомков благородного статуса; их гербы должны были быть «разбиты и опрокинуты руками исполнителя верховной юстиции, основные дома низвергнуты, стерты и разрушены, деревья высокого роста, относящиеся к оным, обрезаны до роста человека»⁴². В отношении их самих приговор был исполнен *in effigie*, но в отношении гербов это сделали вполне реально. Аналогичный приговор Совета, заседавшего в Амьене, был произнесен 25 октября 1636 г. против Максимильена де Бельфурьер сеньора де Сокур, генерального лейтенанта Пикардии — его обвинили в сдаче из трусости укрепленного пункта Корби, комендантом которого он являлся⁴³. Виновный «удалился» в Англию и осуждение вышло заочным, а чучело 29 октября того же года сожгли в Амьене; он был реабилитирован лишь после смерти Ришелье.

К области уголовных преступлений относились случаи стирания или разбивания чужих гербов. Они не имели большой важности, судя по судебному решению парижского парламента от 30 марта 1624 г., которое предписывало экуюе Бенуа де Аквилю сеньору де Гарж (сеньору части деревушки Гарж) вернуть в исходное состояние гербовое знамя, подаренное местной церкви королевским секретарем Жаком Юо. Бенуа де Аквиле, стерший гербы Юо, нарисованные на этом знамени, не пожелал их

³⁷ *Matieu R.* Op. cit., p. 236.

³⁸ *Ibidem.*

³⁹ *Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution de 1789, t. XVI.* Paris, 1829, № 282 (1, 2, 3), p. 459.

⁴⁰ *Ibid.*, t. XVI, № 289 (1, 2), p. 464.

⁴¹ *Matieu R.* Op. cit., p. 236–237.

⁴² *Ibid.*, p. 237; *Dolly Ch.* Des capitulations déshonorantes. — *Le Spectateur militaire, Recueil de science, d'art et d'histoire militaires*, v. XXXIII. Paris, 1842, p. 654–655.

⁴³ *Matieu R.* Op. cit., p. 237.

восстанавливать, и поскольку тем самым не исполнил предусмотренного первым приговором, потребовалось второе решение от 12 марта 1625 г., требовавшее выполнить первое⁴⁴.

Лорд Кларендон приводит в мемуарах как анекдот рассказ, услышанный им в палате общин 4 апреля 1640 г., о конфликте между неким горожанином и лодочником, один из которых носил на одежде гербы не свои, а графа, в услужении у которого находился. В ходе ссоры лебедь графского герба был назван *гусенком* (*oisin*). По этому поводу горожанина вызвали в суд и после долгого и дорогостоящего слушания признали виновным в *оскорблении и диффамации* (*d'insulte et de diffamation*) гербов графа, назвав *лебедя гусенком*, приговорили к штрафу и отправили в тюрьму до его уплаты⁴⁵.

Наказание герба имеет дополнительный аспект, связанный с запретом дуэлей. Если в 1530 г. гербы сеньора де Ванлай, не явившегося в назначенный день на место дуэли с сеньором де Ла Перрин по повелению короля должны были быть сняты с его шатра и переданы герольду или судебному исполнителю чтобы их проволокли по городу привязанными к хвосту коня, разбили и уничтожили⁴⁶, то после 1602 г. дуэлянты во Франции стали рассматриваться как виновные в преступлении «против величества». Статьи 12 и 16 эдикта Фонтенбло 1609 г. грозили дуэлянтам помимо суровых кар пожизненным персональным лишением гербов и благородства. Детей это не затрагивало. Согласно статье 15 этого эдикта гербов лишались и секунданты, и даже простые зрители. Формулы обращения с гербом и в середине XVII в. оставались традиционными: статья 21 эдикта 1643 г. против дуэлей гласила, что гербы будут «очернены и публично разбиты судебным исполнителем»⁴⁷.

Усилия центральной власти по сбережению благородного народа были не слишком успешны, поскольку вступали в противоречие с требованиями этоса знати. Приходилось снова и снова грозить лишением знатности (*degradation de la noblesse*) и гербов. Эдикт из Сен-Жермен-ан-Ле 1679 г. лишал потомков дуэлянтов и секундантов права носить их гербы, но еще не лишал «геральдической правоспособности»: они могли запросить у короля разрешение на пользование новым гербом. В случае упорного ношения старых родовых гербов, они должны были зачерняться и разбиваться палачом и у потомков наказанных дуэлянтов⁴⁸. Спустя полвека эдикт из Версаля 1723 г. предписывал лишать благородства и гербов любого благородного, ударившего другого⁴⁹.

В XVIII в. наказание герба – возможное, но не обязательное дополнение к основному приговору. В XVIII в. в наказании больше имущественной и общественной составляющей. На мой взгляд это косвенное свидетельство постепенного исчезновения герба из системы социальных ценностей. Когда в 1810 г. португальского маркиза де Алорна за сотрудничество с французами обвинили в преступлении «против величества» первой степени, то в указе от 28 декабря 1810 г. говорилось о лишении титулов, имений, достоинств и прочих карах⁵⁰, но не о гербе. Герб уже ушел из поля внимания общества.

Общий механизм диффамации применялся и при диффамации герба с политической подоплекой. 29 сентября 1589 г. священник в храме Сен-Бартелеми в Париже

---

⁴⁴ *Maréchal M.* Traité des droits honorifiques des seigneurs dans les églises, t. I. Paris, 1697, p. 488; *Matieu R.* Op. cit., p. 57–58.

⁴⁵ *Mémoires de Lord Clarendon, Grand-Chancelier d'Angleterre sous le règne de Charles II*, t. I. Paris, 1827, p. 107.

⁴⁶ *Chabanne R.* Op. cit., p. 198.

⁴⁷ *Matieu R.* Op. cit., p. 237.

⁴⁸ *Recueil des edits, declarations et ordonnances du roi... concernant l'ordre judiciaire*, t. I. 1782, p. 392. Art. XV. Цит. по: *Matieu R.* Op. cit., p. 237–238.

⁴⁹ *Matieu R.* Op. cit., p. 238.

⁵⁰ *Tendo visto Sua Alteza Real... o infame procedimento de Dom Pedro de Almeida, Marquez de Alorna... manda o Principe Regente nosso senhor declarar o dito Pedro de Almeida réo de lesa magestade de primeira cabeça.* [S.l., s.d.], ([Lisboa], 1810. BN Lisboa, Cota do exemplar digitalizado: ct-1391-p. – <http://purl.pt/13952/3/>.

в проповеди назвал короля Генриха III «этим подлым Иродом» (ce vilain Herode) и сказал, что тот больше не король. Слушатели, воспламененные его речами, по выходу из церкви сорвали с портала церкви гербы короля, разбили их, растоптали и проволокли в ручей⁵¹.

Польский сейм в своем решении объявил Генриха Валуа «предателем, неверным, неспособным и недостойным носить корону, повелев волочить его гербы у хвоста коня по мусору и грязи Кракова, и посреди рыночной площади они были низвергнуты и разбиты судебным исполнителем»⁵².

Одной из визуальных диффамаций было перечеркивание герба. Генри де Куртенэ (Кортни) маркиза Эксетера обвинили в заговоре против Генриха VIII и казнили в 1538 г. Известен его перечеркнутый после осуждения герб⁵³.

Известна также история с Пломменфельтом. Шведский аристократ Карл Андерс Пломменфельт (1750, Стокгольм – после 1785, США?) – имя, данное в 1770 г. при аноблировании представителю рода Плумгрэн – Plomgren). Карл Пломменфельт в 1782 г. оскорбил короля – в нацарапанной на окне одной стокгольмской таверны надписи назвав его мошенником. С. Слейтер⁵⁴ (в русском переводе) пишет, что герб Пломменфельта был изъят из гербовника за клевету в адрес шведского короля. Не возьмусь судить в отношении второго, а первое – явная ошибка. За клевету в адрес короля его приговорили к смерти, но он бежал из страны, а герб Пломменфельта в огромном (2337 гербов) «вторичном» Гербовнике Рыцарского дома был перечеркнут черной краской (№ 2071). Рыцарский дом – единственное место, где его перечеркнутый герб сохранился донныне и, кстати, это единственный пример в Швеции⁵⁵.

Как отдельный, но тем не менее очень распространенный тип обращения с гербом (и близкими к нему визуализациями), появляется его уничтожение. Оно известно было и в средние века: после гибели Ричарда III в 1485 г. его изобразительный девиз – белый вепрь – был почти повсеместно «изъят и спорот»⁵⁶. Упоминания уничтоженных гербов, относящиеся к социальным возмущениям, в частности, гербов Медичи, присутствуют в «Истории Флоренции» Н. Макиавелли. Уничтожение гербов имело место и позднее: в Англии после казни Карла I и провозглашения в 1649 г. Английской республики во многих местах, в особенности в приходских церквях, королевские гербы были разбиты или стерты со стен, сняты другие эмблемы королевской власти. После реставрации Карла II в 1660 г. был издан указ о восстановлении королевских гербов и, соответственно, «в любом месте, где находились гербы Английской республики, они подлежали немедленному удалению»⁵⁷. После победы восстания в Лиссабоне 1 декабря 1640 г., за которым последовало отложение от Испании, было приказано немедленно ликвидировать гербы Испании на каменном щите на углу дворца⁵⁸. Уничтожение начинает преобладать в спектре наказаний герба.

Я не касаюсь попыток репрессивных мер сословного характера в отношении герба – это другая тема. В уничтожении гербов были и забавные моменты. Например, во Франции в развитие эдикта 1696 г. с его однозначно фискальной подоплекой появилось еще и постановление от 19 марта 1697 г., которое предписывало розыски тех, кто

---

⁵¹ *Dulaure J.-A.* Singularités historiques, contenant: ce que l'histoire de Paris et de ses environs offre de plus piquant et de plus extraordinaire. Paris, 1825, p. 150.

⁵² *La vie et faits notables de Henry de Valois...* [S.l.], 1589, p. 28.

⁵³ *Слейтер С.* Указ. соч., с. 104.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ *Burius Anders.* Carl Anders Plommenfelt. – <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=7334>
Этими уточнениями я обязан дружеской любезности А.В. Толстикова.

⁵⁶ *Фрайер Ст.* Геральдика. Гербы – символы – фигуры. М., 2009, с. 78.

⁵⁷ Там же, с. 123–125.

⁵⁸ *Ferreira Lobo R.* Historia da feliz aclamação do Senhor Rei D. João o Quarto. Lisboa, 1803, p. 186.

стер свои гербы с движимого имущества, чтобы не декларировать их и, соответственно, за них не платить⁵⁹.

Наверное, всё же наиболее ярко эти меры проявились во Франции во время Великой французской революции. Конституанта запретила всем французам иметь гербы. Это и декрет 19 июня 1790 г., и уничтожение гербов в церквях по закону от 20 апреля 1791 г.; и декрет 27 сентября 1791 г., санкционированный законом от 16 октября 1791 г., грозивший карам тем, кто осмелится носить гербы или не уничтожит их на своем доме и т.д., с запретами использовать бумагу с геральдическими лилиями, с уничтожением их на памятниках и в общественных местах⁶⁰. Новой властью была организована, по выражению Р. Матьё, «настоящая охота на гербы»⁶¹. И в Париже, и в провинции застучали молотки и зубила, заполохали на площадях костры, уничтожавшие память и национальное достояние французов, выраженные гербами. Это поразительно, потому что всего веком раньше, в 1696 г. французское публичное право видело в гербах не более чем различительные признаки для всех вплоть до последнего ротюрье.

Если в Средневековье правоспособность герба и его место в правовом пространстве вообще не имеет оснований для обсуждения, то по отношению к тем же вопросам в Новое время положение иное. Из знака идентичности герб стал общественным обозначением статуса личности и рода. Пожалование герба, позволяющее поощрить верного, предполагает соответственно возможность тем же способом наказать неверного. Наказание получило диапазон от временного видоизменения инсигнии до публичной диффамации имени и гербов⁶².

Первоначально сохранялось переворачивание герба (*subversio armorum*) как признак физической и социальной смерти. Повешение и переворачивание Л. Абло считает основными санкциями в отношении герба: «Повешение было наказанием вилланов в отличие от обезглавливания для благородных»⁶³. Но наказание и поругание герба в Новое время было намного реже связано с изменением его положения — переворачиванием, а затем переворачивание и вовсе было заменено на уничтожение. В пору старой геральдики, обозначавшей имя, наказание за серьезные преступления — это только смерть, во всех отношениях, как физическая, так и социальная, в Новое время диффамация всё реже визуально связывалась с визуализацией смерти. В эпоху «вольности» усвоения герба, герба-имени — это преимущественно диффамирующее видоизменение герба (изменение вида фигур, обливание черной краской, переворачивание, привязывание к хвосту лошади); в эпоху герба — атрибута привилегированного сословия — это преимущественно демонстративное позорное публичное его уничтожение.

Добавлю лишь, что в надгробных памятниках сохранилось не связанное с диффамацией переворачивание герба как обозначение угасшего рода.

С началом Нового времени отмечаются попытки заново сформировать комплекс проступков, несовместимых с благородным статусом, которые вели к утрате привилегий знатности и утрате самой знатности, прочитываемой как благородство (*noblesse*). В зависимости от приговора утрата могла быть частичной и полной, временной, допускающей восстановление (реабилитацию) и вечной (в случаях преступлений *lèse-majesté*), индивидуальной и распространяющейся на всех членов рода, переводящей их из привилегированного сословия в податное. Это дебатировалось уже в XVII в. Наказание всё реже касалось только герба, всё чаще затрагивало статус. Т.е. диффамация герба стала обязательной частью лишения благородного статуса не раньше, чем само наличие гербов стало восприниматься как признак этого статуса.

⁵⁹ *Matieu R.* Op. cit., p. 79–80.

⁶⁰ *Митрофанов А.А.* Уничтожение геральдики в период Французской революции (1789–1794). — *Signum*, вып. 9. М., 2016, с. 177–196.

⁶¹ *Matieu R.* Op. cit., p. 244.

⁶² *Hablot L.* «Sens dessus dessous», p. 337, 338.

⁶³ *Ibid.*, p. 346–347.

При этом для Нового времени более характерно уничтожение герба, исторжение его обладателя из среды привилегированных, даже казнь. Это кары в основном за преступления «против величества» — злоумышления и предательства, трактуемые как таковые. С началом Нового времени наказание герба «огосударствовалось». Новое время принесло в практику наказания герба связь с преступлениями «против величества», использование диффамации герба как политического наказания, как средства борьбы с политическими противниками (XVII—XVIII вв.). Предательство стало трактоваться в первую очередь как предательство государя и влекло за собой уже не внесение изменений, а уничтожение самого герба.

В Новое время наказание и поругание гербов проявилось прежде всего как принудительное лишение гербов. Эта кара — явление, свойственное социальному миру Нового времени, где герб связан с сословием, миру, в котором сначала в общественном мнении, а затем и законодательно закрепилось представление о сословном приоритете права на обладание гербом. В таком контексте утрата гербов — часть права, но не геральдического (желание, чтобы оно было — великий соблазн многих), а *общего* права. Однако памятников визуализации геральдических наказаний становилось всё меньше, потому что уходила эпоха визуальной культуры средневековой Европы. Наказания, сопровождаемые карами, в которых участвовал и герб, еще сохранялись, но визуально фиксировались они уже гораздо реже.

Понятие принудительной утраты герба (*per te*) по функции близко к диффамации — это проявления одного и того же к нему отношения. Безусловно, диффамация герба — или лишение герба — обращены к обществу, в котором гербы представляют собой очевидную социальную ценность. Наказание и поругание герба возможны только при условии его существования как фактора социальной жизни. Без этого они становятся бессмысленными. Диффамация свидетельствует в первую очередь о роли герба в жизни общества. При этом интересен не герб, который наказывается, а человек, которого наказывают таким способом и, соответственно, особенности общества, в котором в спектре наказаний присутствуют и такие, использующие герб.

Но всё же эти диффамации и наказания и в XVIII в. совершались, если так можно выразиться, в геральдическом поле, и они не идут ни в какое сравнение с «поруганиями» гербов в период Великой французской революции, которые стремились просто к их уничтожению в публичном и частном пространстве. Поругание гербов, связанное с переменами революционного характера — большая тема, находящая примеры в истории большинства стран. Репрессии касались не только низвергаемых и сжигаемых гербов. Яркий пример диффамации герба — герб России периода Временного правительства 1917 г., который разработала комиссия в составе Н.А. Типольта, С.Н. Троицкого, В.К. Лукомского и воплотил художник И.Я. Билибин — с орлом, лишенным регалий, корон, щита со св. Георгием и прочих щитов, с опущенными крыльями.

В Новое время, во всяком случае, на рубеже XVIII—XIX вв. появляется уже и карикатура с использованием герба или его элементов, что, по сути, конечно, тоже представляет собой диффамацию. Современная нам диффамация больше внимание проявляет не к гербу, а к флагу — публичное сожжение флагов (например, спортивных клубов), топтание флага на земле. Поругание герба реализуется в виде карикатур, в сети Интернет в виде фотожаб и демотиваторов, по сути — политических плакатов. Нередко диффамация герба реализуется в плакатах и пропагандистской поэзии в поры военного и идеологического противостояния, при котором диффамации подвергаются не личные и родовые, а государственные гербы и флаги, так называемые национальные цвета и прочие олицетворения враждебной стороны.